

Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края.

Честь перваго историка Вятскаго края принадлежит составителю давно извѣстной „Повѣсти о градѣ Вяткѣ“ (¹). Безыменный авторъ этой „Повѣсти“ не указалъ своихъ источниковъ, не отмѣтилъ, что именно онъ заимствовалъ изъ числа доступныхъ ему письменныхъ свидѣтельствъ и что онъ придумалъ самъ. Составитель „Повѣсти“ такъ перемѣшалъ добытые имъ факты съ своими домыслами, что мы только съ величайшимъ трудомъ и сомнительнымъ успѣхомъ можемъ отдѣлить то и другое. — Для Вятской исторіи „Повѣсть“ сообщаетъ свѣдѣнія, которымъ равныхъ по важности мы не находимъ ни въ какихъ иныхъ письменныхъ памятникахъ; свѣдѣнія эти имѣютъ значеніе не специальное только, для мѣстной исторіи: они рисуютъ намъ ходъ расселенія великорусской народности по сѣверо-востоку въ такомъ видѣ, который заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны историковъ. Эта важность свидѣтельствъ „Повѣсти“ заставляеть насъ заняться ея внимательнѣйшимъ критическимъ анализомъ; необходимо разбраться въ ней, вникнуть въ процессъ ея составленія и тѣмъ самымъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ можно ей довѣрять.

(¹) Наиболѣе доступныя изданія въ Вят. Вѣд. 1866, № 34 и 35 и въ Вятск. Календ. за 1884 г.

„Повѣсть“ для насъ сразу объяснилась бы, если бы можно было опредѣлить цѣль, для которой она была написана. Это дало бы намъ надежное средство составить правдоподобное заключеніе о личности автора и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлило бы точку зрѣнія, съ которой надлежитъ смотрѣть на „Повѣсть“ ея изслѣдователю. Но едва ли „Повѣсть“ написана съ какимъ-нибудь особеннымъ намѣреніемъ или по чьему-нибудь специальному порученію.

Всего естественнѣе исторію написанія „Повѣсти“ представить въ слѣдующемъ видѣ. Кому-то изъ любознательныхъ и по тогдашнему хорошо грамотныхъ обитателей стараго Хлынова, можетъ быть, совершенно случайно, попали въ руки небольшія мѣстные историческія записи. Возникъ интересъ къ этимъ записямъ; разъ возбужденная мысль не переставала работать: собирались народныя преданія о старинѣ, а тамъ, гдѣ не доставало фактовъ, явились соображенія, появилась идея, обобщающая все собранное.

Мы имѣемъ возможность съ большимъ вѣроятіемъ указать, какія именно были и изъ какого источника происходили тѣ свѣдѣнія, которыя легли въ основаніе работы автора „Повѣсти“. Если внимательно всмотрѣться въ нее, то можно замѣтить, что основу ея составляетъ *разказъ объ установленіи на Вяткѣ крестныхъ ходовъ* (никулицынскаго, волковскаго и хлыновскаго) и *построеніи древнѣйшихъ церквей* (Воздвиженской, Богоявленской и Воскресенской), т. е. о событіяхъ церковнаго характера; разказы о событіяхъ нецерковныхъ вставлены какъ иллюстрація къ нимъ. Такъ, разказъ о заселеніи Вятки новгородцами помѣщенъ, какъ необходимое введеніе въ исторію учрежденія крестнаго хода изъ Никулицына въ Хлыновъ, „дабы долгими лѣты и времени не забвенны были бывшія чудеса о поселеніи ихъ на Вяткѣ“. Разказъ о борьбѣ пришельцевъ съ мѣстными инородцами помѣщенъ для объясненія причины установленія крестнаго хода изъ с. Волкова и перенесенія нѣкоторыхъ церквей въ Хлыновъ: „и ради частаго нашествія чуди, вотяковъ и черемисъ обѣщашася вятскіе града Хлынова и уѣздные жители великомученику, страстотерпцу и побѣдоносцу Георгію по вся лѣта подважды изъ села Волкова приносить образъ его святой во градъ Хлыновъ и встрѣчать со освященнымъ соборомъ и со всѣмъ пародомъ со свѣщами и праздновать, и кругъ града хожденіе уставивши, еже и донинѣ...

по вся лѣта подважды бываетъ“. Даже повѣствованіе объ обрѣтеніи чудотворной иконы св. Николая заключается тѣмъ же: „и повелѣша провозгласникамъ многа во дни на торгу всему міру объявляти, дабы по подѣли Всѣхъ Святыхъ... всѣ христіане постилися, и въ пятый день... праздновали во градѣ Хлыновѣ... хожденіе кругъ всего града Хлынова учиниша... еже и донынѣ совершается“. Изложеніе церковныхъ событій въ Вятской странѣ составляетъ сущность „Повѣсти“, какъ въ этомъ легко убѣдится всякій, кто ее со вниманіемъ прочтетъ. Этотъ легко уловимый характеръ „Повѣсти“ для ея изслѣдователя составляетъ весьма цѣнный фактъ, даетъ надежную точку опоры, отъ которой онъ можетъ смѣло начать рядъ дальнѣйшихъ соображеній.

Невольно приходитъ въ голову одно соображеніе, которое, повидимому, можетъ хорошо объяснить, откуда составитель „Повѣсти“ могъ почерпнуть для нея столь детальныя, столь спеціальныя свѣдѣнія. Вештомовъ сохранилъ для насъ одно драгоцѣнное указаніе, которое, по его важности, мы и приводимъ здѣсь въ подлинникѣ: „Преосвященный Іона *оъ томъ же 1675 г., сдѣлавшійся ему извѣстными разными по его епархіи съ прежнихъ временъ, по особеннымъ случаямъ, установленныя на Вяткѣ церковныя празднества, не отпустивъ ни одного, началъ разслѣдовать, доходя до причинъ, побудившихъ къ онымъ. На сей конецъ требовалъ онъ отъ церковниковъ, отъ кого что принадлежало, объясненія о причинахъ таковыхъ празднествъ, испытывая, не заключается ли подъ онымъ одной прихоти къ прибиткамъ и народнаго обманутаго суевѣрія. Взвѣся всѣ оныя безпристрастнымъ духомъ и вѣрою, суевѣріемъ непомраченною, нашель достойными ихъ быть преданными потомству, яко доказанныя письменными и впроятія заслуживающими изустными преданіями и въ существѣ своей истинной вѣрѣ непротивными случаями, а потому всѣ оныя соборными изложеніями своими утвердилъ и поручилъ на всѣ будущія времена преемникомъ своимъ *къ вѣдѣнію и исполненію*“¹⁾). Авторъ при этомъ прибавляетъ, что эти соборныя изложенія хранятся въ тѣхъ церквахъ, которыхъ касаются, но что онъ не станеть передавать ихъ содержаніе „ибо всѣ обстоятель-*

(¹⁾ «Исторія вятчанъ», по рукописи Стат. Комит. стр. 213.

ства читателю моему мною уже выше описаны“. Не знаемъ, откуда Вештомовъ взялъ свое свидѣтельство — изъ спеціальной ли грамоты какой, или лѣтописной, намъ неизвѣстной замѣтки, или самъ, роаясь въ церковныхъ архивахъ, попалъ на слѣды дѣятельности въ этомъ направленіи замѣчательнаго вятскаго архипастыря; но и тѣ факты, которыми мы располагаемъ, помимо приведеннаго прямого указанія, показываютъ, что въ концѣ XVII в. дѣйствительно происходили на Вяткѣ какія-то любопытныя явленія, которыя закончились составленіемъ нѣсколькихъ житій святыхъ, сказаній о чудотворныхъ иконахъ, соборныхъ постановленій и мѣстныхъ лѣтописей. Несомнѣннымъ представляется, что движеніе это исходило отъ самого архіеп. Іоны, который, по словамъ его біографа, хотя и былъ грамотенъ только по славенороссійски, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ великій рачитель книжнаго дѣла. Оставленное имъ духовное завѣщаніе показываетъ въ немъ не только начитаннаго, но и дѣйствительно книжнаго челоувѣка. Въ вятскихъ архивахъ церковныхъ, конечно, найдутся со временемъ слѣды книжной дѣятельности Преосв. Іоны, долгое время управлявшаго Вятскою епархіей.

Знакомство съ результатами работъ, какъ предпринятыхъ Преосв. Іоною, такъ имъ вызванныхъ, сказалось на „Повѣсти“. Это знакомство и побудило этого безыменнаго автора составить „Повѣсть“.

Изъ всего изложеннаго для критики этого памятника выдвигается одинъ фактъ — это: „Повѣсть“ написана послѣ 1675 г. Фактъ этотъ подтверждается, какъ мы увидимъ далѣе, и нѣкоторыми мѣстами самой „Повѣсти“. Остается неизвѣстнымъ, въ какомъ видѣ записки, обработанныя сотрудниками преосв. Іоны, находились въ рукахъ составителя „Повѣсти“; нѣтъ, кажется, возможности узнать это, такъ какъ самыя записки въ подлинникѣ мы не знаемъ. Мы не можемъ прямо указать; чтѣ составитель „Повѣсти“ нашелъ тамъ и чтѣ добавилъ своего. Можно, однако, сдѣлать слѣдующія соображенія.

Составитель „Повѣсти“ знаетъ, что Вятка была заселена въ 1174 г. покинувшими свой городъ новгородцами. Вѣроятно же всего, это свѣдѣніе онъ извлекъ изъ записки о крестныхъ ходахъ; выдумать его онъ не могъ, а народное преданіе не могло бы указать, что новгородцы вышли именно въ такомъ-то году. Какъ бы то ни было, но столь краткое извѣстіе не исполнѣе удовлетворило автора „Повѣсти“;

является цѣлый рядъ вопросовъ, на которые оно не даетъ отвѣта: по какимъ именно причинамъ часть новгородцевъ ушла изъ Новгорода, какъ велика была партія, почему поселенцы отправились такъ далеко? Составитель „Повѣсти“ усердно ищетъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы, и прежде всего въ доступныхъ ему лѣтописяхъ. По пословицѣ о ловцѣ и его добычѣ, онъ въ одномъ случайно зашедшемъ на Вятку хронографѣ находитъ извѣстный мѣстическій рассказъ о началѣ Новгорода—„исторія еже отъ начала русскія земли и созданія Новгорода“, который ему чрезвычайно нравится, и въ немъ усматриваетъ совершенно удовлетворительное объясненіе причины удаленія изъ Новгорода части гражданъ. Въ хронографѣ подробно рассказывалось объ основаніи Новгорода за 14 вѣковъ до Рожд. Христ., объ его временномъ запустѣніи; о заселеніи Славеномъ и Русомъ, о призывѣ князей, о князѣ Ярославѣ и наконецъ о мятежахъ, описаніе которыхъ и сосредоточило на себѣ все вниманіе составителя нашей „Повѣсти“: въ нихъ онъ видитъ ясный отвѣтъ на вопросъ, какая нужда могла заставить новгородцевъ покинуть городъ и идти такъ далеко. Исходная точка рассказа найдена, исторія заселенія Вятки осмыслена: „вотъ во время этихъ-то мятежей отдѣлилась партія новгородцевъ, отправилась куда глаза глядятъ, попала на Вятку и засѣла тутъ“. Составитель „Повѣсти“ такъ увлекся рассказомъ хронографа, что внесъ его въ свой трудъ почти цѣликомъ, хотя этотъ рассказъ имѣетъ къ избранной имъ темѣ самое малое отношеніе¹⁾. Нельзя не видѣть, что въ этой длинной выпискѣ сказалось также инстинктивное желаніе настроить себя и читателя на эпическій ладъ, а болѣе всего, конечно, неумѣнье воспользоваться чужою мыслью иначе, какъ усвоивъ ее цѣликомъ безъ всякихъ измѣненій, и только развѣ съ нѣкоторыми опущеніями²⁾.

Не найдя отвѣтовъ на другіе вопросы о личности первыхъ поселенцевъ на Вяткѣ, составитель „Повѣсти“ принимается излагать самую исторію заселенія ими края, какъ

---

¹⁾ Почему въ нѣкоторыхъ спискахъ «Повѣсти» онъ прямо опускается.

²⁾ Изложеніе «исторіи еже отъ начала русскія земли» см. у Костомарова, въ «Народопр.» I. стр. 4—8.

она изложена въ его главномъ источникѣ—разказѣ объ учрежденіи крестныхъ ходовъ. Эта часть „Повѣсти“ самая подробная и самая важная по своему содержанию, и къ ней-то мы должны отнестись съ особеннымъ вниманіемъ.

Выше объяснено, почему мы думаемъ, что разказъ о заселеніи Вятки новгородцами имѣетъ въ своей основѣ церковный источникъ. Теперь прибавимъ, что самый строй рѣчи въ этомъ мѣстѣ „Повѣсти“ чрезвычайно напоминаетъ складъ церковнаго сказанія. Прочтите напр. эти слова „и видѣвше новгородцы той градъ на прекрасной высокой горѣ, возжелана ратию взяти его и обѣщашася прародителямъ своимъ великимъ княземъ стратотерпцемъ Борису и Глѣбу и заповѣдаша дружинѣ своей поститися, и ни ясти, ни пити, еже бы имъ получить той Болванской чудской городокъ подь обладаніе себѣ и ту селитву имѣти. И приступавше къ тому граду вельми жестоко и сурово, призываху на помощь святыхъ стратотерпцевъ Бориса и Глѣба и глаголюще: якоже иногда новгородскому великому князю Александру Невскому даровали есте побѣду на супротивныхъ шведы за рѣкою Невою, явистеса пловуще въ насадѣ, тако и нынѣ намъ способствуйте молитвами вашими и помощію всеильнаго въ Троицѣ славимаго Бога, и представительствомъ Пресвятыя Богородицы и ходатайствомъ святыхъ стратотерпцевъ князей Бориса и Глѣба той крѣпкой градъ взяша воинскимъ промысломъ въ лѣто 6689 мѣсяца іюля въ 24 день, на память ихъ всероссійскихъ князей святыхъ стратотерпцовъ Бориса и Глѣба, и побиша ту множество чуди и отяковъ, а иніи по лѣсамъ разбѣгашася; и по обѣщанію своему поставиша въ томъ градѣ церковь во имя святыхъ стратотерпцовъ Бориса и Глѣба и нарекоша той градъ Никулицыно“.

Авторъ могъ прибавить свой разказъ о самомъ пути заселенія Вятки. Собственно говоря, для критика разказа „Повѣсти“ о заселеніи Вятки почти безразлично, кто именно этотъ разказъ составилъ и первый записалъ—составитель-ли „Повѣсти“, или составитель ея источника. Возможно предположить, что разказъ этотъ въ сущности есть осмысленіе какихъ-нибудь немногихъ фактовъ, напр. слѣдующихъ: что Вятка заселилась новгородцами, что заселеніе это произошло въ 1174—81 годахъ, что заселявшіе Вятку должны были взять съ бою чепецкія городища, что когда-то Русскіе на-

пали на Никулицынъ и заступленіемъ Св. Бориса и Глѣба взяли его, что раньше Никулицынъ назывался Болванскій городъ, а Котельничъ—Кокшаровымъ, что мѣстность близъ устья р. Хлыновки называлась Баясковымъ полемъ. По этимъ даннымъ рассказъ о заселеніи Вятки, подобный тому, какой находимъ въ „Повѣсти“, при помощи догадокъ можно составить безъ большого труда. Всѣ эти данныя въ XVII в. могли быть сохранены народнымъ преданіемъ, и противъ нихъ критикъ ничего не можетъ имѣть: они или правдоподобны, или слишкомъ неважны, чтобы принимать ихъ въ соображеніе при рѣшеніи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ можно вообще довѣрять извѣстію „Повѣсти“ о заселеніи Вятки. Но среди этихъ данныхъ находятся два хронологическихъ, довольно опредѣленныхъ—1174 и 1181 г.; въ первомъ (1174 г.), по словамъ „Повѣсти“, новгородцы ушли съ береговъ Волхова, а во второмъ (1181 г.) взяли на Вяткѣ Никулицынъ. Откуда взялись эти точныя указанія среди массы другихъ, совершенно неточныхъ, неопредѣленныхъ, болѣе чѣмъ сомнительныхъ? Можно полагать, что года и подробности приведеннаго въ „Повѣсти“ рассказа суть домыслы сотрудниковъ преосв. Іоны или болѣе раннихъ писателей на ту же тему.

Рассказъ о заселеніи Вятки новгородцами составитель „Повѣсти“ кончаетъ двумя указаніями, которыя, конечно, составляютъ прямыя догадки или, такъ сказать, примѣчанія его. Онъ знаетъ, что новгородцы были очень привязаны къ своему гражданскому устройству, и дѣлаетъ естественное предположеніе, что и на Вяткѣ „начаша общежителъствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители... и законы, и обычаи новгородскіе имяху на лѣта многа, до обладанія великихъ князей російскихъ“. Затѣмъ, въ такой же мѣрѣ, естественно было предположить, что лишь только новгородцы основались на Вяткѣ, тотчасъ со всѣхъ сторонъ начались на нихъ нападенія „каждо хотяще страну вятскую взяти въ подданство себѣ“. И какихъ только сосѣдей-враговъ не навоображалъ нашъ добродушный хлыновецъ! Нападаютъ на Вятку князья, даже „отдаленные грады имуще“, „наипаче же отъ чуди, отяковъ и черемисъ и отъ агарянскаго рода разныхъ народовъ: татаръ, и бесермянъ, и нагайцовъ снизу Волги рѣки, и отъ казанскихъ татаръ и иззакамскихъ тѣи новгородцы вятчане многое утѣсненіе

имуще и разореніе“, но, съ торжествомъ прибавляетъ онъ: „воюеми многажды и никакоже обладаеми бяху!“

Разсказъ свой о дальнѣйшихъ вятскихъ событіяхъ составитель „Повѣсти“ прерываетъ (можетъ быть, съ послѣдней строкой той рукописи, которою доселѣ пользовался), чтобы, слѣдуя нѣкоторой логичности въ мысляхъ, изобразить тотъ видъ Хлынова, какой онъ могъ имѣть нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Живое и интересное описаніе это особенно важно потому, что ведется съ указаніями на мѣстность въ томъ видѣ, въ какомъ она была при авторѣ „Повѣсти“; конечно, оно заимствовано изъ народнаго преданія.

Что должно было послѣдовать за поселеніемъ новгородцевъ на Вяткѣ? Конечно ея усиленіе. Объ немъ-то далѣе составитель „Повѣсти“ и говоритъ; указанія его на движеніе въ Вятку съ Устюга и Двины вполне правдивы, такъ какъ опираются на сохранившіяся народныя преданія. Новымъ пришельцамъ онъ приписываетъ борьбу съ мѣстными инородцами, построеніе нѣсколькихъ погостовъ, перенесеніе двухъ церквей въ Хлыновъ и установленіе крестнаго хода изъ Волкова.

Лѣтописныя выписки начинаются сказаніемъ объ обрѣтеніи чудотворной иконы св. Николая, которое составитель „Повѣсти“ извлекъ изъ рукописи, до насъ не дошедшей и известной только по отрывкамъ, здѣсь помѣщеннымъ. Сказаніе это составитель „Повѣсти“ умѣлъ логически связать съ предшествующимъ текстомъ.

Оканчивается „Повѣсть“ небольшими выборками о вятскихъ событіяхъ изъ какой-то обще-русской лѣтописи. Такъ какъ эти лѣтописныя извѣстія тождественны съ извѣстіями, помѣщенными въ такъ называемомъ Юферевскомъ Временникѣ, то можно сдѣлать предположеніе, что они оттуда и взяты, если, конечно, не извлечены изъ общаго съ нимъ источника.

Мы видѣли, что есть теоретическое основаніе относить составленіе Повѣсти къ концу XVII в. Но и въ самой „Повѣсти“ нами отмѣчено до 15 мѣствъ, которыми можно воспользоваться для совершенно точнаго опредѣленія времени написанія нашего памятника; особенно въ этомъ отношеніи цѣнны указанія составителя „Повѣсти“ на древнѣйшую топографію Хлынова, которую онъ излагаетъ параллельно съ топографіей ему современной. Къ сожалѣнію, при на-

стоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, можно изъ всѣхъ отмѣченныхъ нами мѣстъ воспользоваться только двумя. Описывая одно болото, составитель „Повѣсти“ говоритъ, что оно находилось около *нынѣшней* Воскресенской церкви; намъ точно извѣстно, когда именно эта церковь перенесена была изъ города въ посадъ на *нынѣшнее* мѣсто: это было въ 1679 г. Въ другомъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, какъ шелъ *старый* острогъ, который, какъ намъ извѣстно, *новымъ* замѣненъ былъ въ 1664—68 гг. Этихъ двухъ извѣстій достаточно для того, чтобы утвердительно сказать, что „Повѣсть“ написана не раньше конца XVII в. Отсутствие въ извѣстныхъ намъ спискахъ „Повѣсти“ какихъ бы то ни было вариантовъ и передѣлокъ даетъ новое и также важное доказательство того, что она сравнительно недавняго происхожденія.

Языкѣ „Повѣсти“, какъ и вообще способѣ изложенія Славяно-Русскій и довольно неточенъ. Не мало въ „Повѣсти“ повтореній, анахронизмовъ и противорѣчій, указанныхъ Карамзинымъ, а послѣ него Костомаровымъ, Колосовымъ, Тяггинскимъ и Романовымъ.

Такъ, Н. М. Карамзинъ указалъ на нѣкоторыя несообразности, допущенныя составителемъ „Повѣсти“: въ 1174 г., въ годъ выхода изъ Новгорода партіи ушкуйниковъ, не могло уже быть великаго князя Ярослава, умершаго въ 1054; новгородцы въ 1181 г. не могли просить св. Бориса и Глѣба помочь имъ, такъ какъ они помогли Александру Невскому въ 1240 г. Однако, Карамзинъ не рѣшился отнести къ „Повѣсти“ вполне скептически и приписалъ встрѣченныя въ ней анахронизмы „глупымъ дополнителямъ“.

Костомаровъ охотно слѣдуетъ разсказу „Повѣсти“, но всетаки замѣчаетъ, что „она нѣсколько противорѣчитъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что жители отправились въ путь самовольно и отдѣлились отъ Великаго Новгорода, а въ другомъ, что они отправились съ согласія Великаго Новгорода“⁽¹⁾. М. Колосовъ говоритъ: „Хлыновскій лѣтописецъ, поздній по времени составленія и содержащій въ себѣ анахронизмы и баснословныя частности, не представляетъ достаточнаго ручательства за вѣрность сказаннаго преданія (о поселеніи на Вяткѣ новгородцевъ)“⁽²⁾.

(1) Народопрѣвства т. I, 241.

(2) Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи отч. IV, 59.

Вештомовъ высказывается такимъ образомъ: „Четвертое, историческое (впрочемъ краткое и притомъ изъ безсвязныхъ отрывковъ состоящее, слѣдовательно, не полное) письменное извѣстіе..., когда и кто писалъ сіе извѣстіе — неизвѣстно. По древности нарѣчія, какимъ оно написано, заключать надобно, что оно писано давно; а по малосмысленности и безсвязности, — что оно писано простакомъ, или послѣ испорчено“⁽¹⁾.

Тянгинскій распространяется о „Повѣсти“ такъ: „Въ духѣ Христіанскаго благочестія сей лѣтописецъ вдается въ подробное изображеніе разныхъ чудесъ при побѣдахъ, одержанныхъ пришельцами надъ вотяками и черемисами, описываетъ основаніе церквей... Но разсказъ мѣстной лѣтописи обо всѣхъ сихъ событіяхъ до 1401 г., какъ можно заключить по слогу ея и анахронизмамъ, вылился изъ-подъ пера благочестиваго мѣстнаго жителя позднѣйшаго времени, писавшаго по слухамъ, не всегда достовѣрнымъ, съ цѣлью поучительною: передать потомству подвиги своихъ предковъ“⁽²⁾.

Что касается личности автора „Повѣсти“, то нельзя думать, чтобы составитель ея былъ человекъ свѣтскаго происхожденія (что въ Вяткѣ въ XVII в. было-бы слишкомъ удивительнымъ явленіемъ); самый характеръ и содержаніе „Повѣсти“ свидѣтельствуютъ о духовномъ званіи составителя. Можно прибавить, что онъ былъ вятчанинъ и притомъ хлыновецъ, такъ какъ ему хорошо извѣстна топографія вятской страны⁽³⁾ и особенно исторія и топографія Хлынова: нужно было весьма долго жить на мѣстѣ, чтобы собрать отовсюду столько данныхъ, сколько оказалось у него.

Въ заключеніе скажемъ, что памятникъ этотъ мы лучше поймемъ тогда, когда хорошо ознакомимся съ составомъ другихъ мѣстныхъ лѣтописей, когда будутъ собраны свѣдѣнія объ историческихъ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ въ Вяткѣ, по инициативѣ вятскаго владыки Іоны.

А. Спицынъ.

⁽¹⁾ Вят. Вѣд. 1838, 17.

⁽²⁾ Достовѣрныя извѣстія о древней Вяткѣ. Памятн. Кн. 1856, 117.

⁽³⁾ Въ этомъ отношеніи особенно любопытно его близкое знакомство съ чепецкими гбродницами.